

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

УДК 342.4

Баранов П.П.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы соотношения, взаимодействия и взаимопроникновения современного международного права и конституционного права Российской Федерации. Показано влияние конституционного права на международное право и обратное воздействие последнего на конституционное право.

Проанализирована проблема коллизий, возникающих между международным и конституционным правом, в правоприменительной деятельности. В статье рассмотрена роль Конституционного Суда Российской Федерации в механизме реализации взаимодействия между международным и внутригосударственным правом.

The article discusses the current problem of the relation, interaction and interpenetration of modern international law and constitutional law of the Russian Federation. Shows the effect of the constitutional right to international law and the opposite effect of the latter on a constitutional right.

Analyzed the problem of conflicts arising between the international and constitutional law, law enforcement. The article considers the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the implementation of the mechanism of interaction between international and domestic law.

Ключевые слова: взаимодействие и взаимопроникновение международного и конституционного права; конституционное право; международное право; процессуальная деятельность Конституционного суда; соотношение, коллизии между национальным и международным правом.

Keywords: interaction and interpenetration of international and constitutional law, constitutional law, international law, procedural activity of the Constitutional Court, the ratio, the tension between national and international law.

В современном глобализованном мире присутствует объективная зависимость международной и внутригосударственных правовых систем. Проблемы взаимодействия международного и национального права имеют свою давнюю историю. Большой вклад в разработку вопросов межгосударственного правового взаимодействия внесли Т. Гоббс, Б. Спиноза, Г. Гегель, Г. Кельзен и другие известные мыслители, политологи и правоведы. Международное и внутригосударственное (национальное) право, выступая в качестве универсаль-

ных регуляторов, являются схожими по своей природе общественно-правовыми явлениями, так как в них закреплены единые общечеловеческие приоритеты и ценности.

Международное право выражает представления мирового сообщества, государств, народов и отдельных людей о справедливом идеале гуманизма. Оно формируется в процессе международного общения, и в нем главенствует метод согласования воли различных государств на основе компромисса. Международное право отличается от национального права

условиями возникновения правовых норм, источниками права, субъектом и объектом правового регулирования, способом защиты правовых норм, механизмом восстановления нарушенных прав и др.

Исторически существовало первичное воздействие национального права на процесс формирования норм международного права, а международное право впоследствии влияло на развитие права в конкретных государствах. Международное право путем рессессии вобрало в себя все исторически сложившиеся в национальных системах права юридические постулаты-принципы: договоры должны соблюдаться; последующий закон отменяет предыдущий; никто не может быть судьей в собственном деле; равный над равным власти не имеет и др. Эти юридические формулы лежат в основе взаимодействия международного и национального права, которые определяются как «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» [1]. Кроме этих общих принципов, источниками права в указанной сфере являются решения органов судебной власти, а также наиболее значительные доктринальные концепции в рамках публичного национального права, их сравнительный анализ.

Однако, каждое государство само вырабатывает и устанавливает границы взаимоотношений собственного национального права с международным посредством предметно обусловленной внутренней и внешней политической деятельности.

В науке и практике выделяется три направления, характеризующих взаимообусловленность национального и международного права. Первое, дуалистическое направление, признает относительную изолированность и независимость международного и национального права. Другие два направления, называемые монистическими, рассматривают международное и национальное право как части единой системы права. Причем если одни говорят о верховенстве (приоритете) национального права, то другие, напротив, признают примат международного права в общей единой системе права.

Ситуация, когда государство имеет возможность отказаться от инкорпорации в свою правовую систему неприемлемых для него норм и положений международного права, одновременно выступая активным участником международных интеграционных отношений, выглядит для современных государств, в том числе и России, наиболее предпочтительной. Такая ситуация дает возможность

государству самостоятельно определять уровень открытости своей правовой системы. Именно такое положение дел укладывается в дуалистическую концепцию соотношения национального и международного права. В России такое понимание основ современных процессов международного сотрудничества становится преобладающим.

Как мы уже сказали, тесная взаимосвязь международного и внутригосударственного права характеризуется специальным обоюдным воздействием. Следствием этого является ситуация, когда нормативные положения международного права оказывают влияние на появление соответствующих норм в национальном праве, а центральные и прогрессивные концепции, содержащиеся во внутригосударственном, имеют большое значение для трансформации норм международного. В конечном итоге, в процессе взаимного влияния друг на друга международного и государственного права первичным оказывается все-таки внутригосударственное.

Однако из факта признания первичности национального права еще не следует сам факт признания его примата над международным. В основе такой ситуации лежит механизм формирования международного права, в процессе которого государства – участники международных соглашений стараются избежать придания международного статуса тем положениям, которые не соответствуют их правовой системе, противоречат основному содержанию их политического и конституционного устройства. Сам факт неизбежности значительного изменения своего правового пространства служит поводом для менее охотного участия государств в таких международных соглашениях.

Влияние, которое внутригосударственное право оказывает на международное, характеризуется двумя основными составляющими. С одной стороны, учитывается влияние норм внутригосударственного права на содержание норм международного права, которое называют материальным влиянием. С другой стороны, речь идет о влиянии норм национального права на механизмы формирования норм международного права, имеющих значение для признания последнего. Такой аспект влияния называют процессуальным влиянием.

В юридической науке очень часто понятия «соотношение», «взаимодействие» и «взаимопроникновение» международного и национального права употребляются как однопорядковые, хотя это да-

леко не так. «Соотношение» показывает взаимное отношение международного и национального права друг к другу, как схожих по своей природе правовых явлений. «Взаимодействие» международного и национального права означает не только соотносимость этих понятий, но и влияние их друг на друга, которое порождает взаимную связь и взаимообусловленность. «Взаимопроникновение» международного и национального права предполагает еще более высокий уровень взаимовлияния, взаимоприспособления и сближения.

Изучение проблемы взаимодействия внутригосударственного права России и международного права для науки конституционного права имеет особую актуальность по целому ряду причин. Рассмотрение взаимодействия права России и международного права с позиции конституционного права позволяет понять и увидеть: во-первых, ценностные составляющие этого взаимодействия, способствующие изучению механизмов экстраполяции основных характеристик международного и национального права на соотношение международного права с другими отраслями национального права России;

во-вторых, соотношение источников национального права и международного права и влияние конституционного права России на проблему соотношения международного права с другими отраслями внутригосударственного права;

в-третьих, значение закрепления в Конституции Российской Федерации «особенного», «специфического» приоритета положений международных договоров и соглашений над нормами национального законодательства России;

в-четвертых, влияние норм конституционного права России, решений Конституционного Суда Российской Федерации на международное право и практику его применения;

в-пятых, возможность обеспечения действия международно-правовых норм на территории Российской Федерации;

В целом современное состояние взаимосвязи внутригосударственного и международного права в теории характеризуется как социально и политически обусловленный конституционно-правовой механизм взаимодействия, основанного на основополагающих принципах конституционного характера.

В современном мире наблюдается глубокий и необратимый процесс конституционализации международного права. Этим понятием характеризует-

ся механизм воздействия национальных правовых норм на международные договоры и соглашения. Важным элементом этого механизма является нормативное обеспечение международно-правового института прав и свобод человека и гражданина, который изначально произошел из норм внутригосударственного права. Вместе с тем пристальное внимание следует обращать и на параллельно идущий процесс, процесс интернационализации национального конституционного права, который характеризуется включением в эту отрасль общепризнанных норм и принципов международного права.

В этой связи необходимо пояснить, что, юридически оформив вхождение российского государства в общеевропейский правовой блок, принятая в 1993 г. Конституция РФ закрепила положения о том, что общепризнанные нормы, принципы международного права и международные договоры Российской Федерации включаются в качестве составной части в ее правовую систему (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), а права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права (ч. 1 ст. 17 Конституции). Таким образом, Конституция РФ подтвердила общий вектор развития конституционного права государств современного мира, в частности, демократические стандарты в области прав человека, а также сам статус международного права в правовой системе страны, что было предопределено процессами интеграции конституционного и международного права при традиционно растущей роли второго.

Однако нельзя не признать, что рассматриваемые сухие юридические формулы включили в себя определенный потенциал правовой неопределенности и неоднозначности. Конституция Российской Федерации использует термин «общепризнанные принципы и нормы международного права». Именно они провозглашаются составной частью российской правовой системы наряду с международными договорами. Вместе с тем Конституция не предлагает определения самого понятия «правовая система».

Ученые, исследователи современной российской Конституции, указывают на тот факт, что при применении указанного положения «правоприменительным органам, по-видимому, остается руководствоваться теоретическими положениями и понимать под этим объективное право, т.е. сово-

купность юридических норм, практику применения правовых норм и правовую идеологию» [2, с. 80]. Одновременно Конституция России не предлагает определения терминов «общепризнанные принципы и нормы международного права». Не выяснен круг источников этих самых «общепризнанных принципов», а также не предлагается путей для их систематизации и формальной легитимации их содержания. Данная пробельность Конституции России отчасти восполняется Верховным и Конституционным судами Российской Федерации.

Современный мир объединяет и государства, в которых национальные правовые акты декларируют нормы международного права как элементы своей правовой системы, так и государства, в которых существует принципиальная позиция на предмет разграничения норм международного и национального права как в рамках законодательства, и в рамках судебного производства. Однако, следуя общеутвердившейся традиции, конституции большей части стран стараются определенным образом на законодательном уровне закрепить превосходство общепризнанных международно-правовых норм над национальными правовыми нормами. Например, Конституция РФ указывает, что «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Надо сказать, что данное положение нашло свое отражение и в отраслевом законодательстве Российской Федерации.

Такой «посыл» можно сравнить с положением ныне действующей Конституции США, провозгласившей международные договоры частью правовой системы страны. Однако в США это конституционное положение было связано с возникновением федеративного устройства, которое исторически изначально способствовало частым нарушениям штатами различных международных договоров, что создавало серьезные трудности для Соединенных Штатов. Именно поэтому появилось положение о верховенстве международных договоров. При этом судебная система руководствуется принципом «*lex posterior derogat priori*», когда принятый позднее нормативный акт «отменяет» прежде принятый «имплементационный» акт независимо от специального указания или денонсации непосредственно международного соглашения.

Судебная практика Российской Федерации, основываясь на рассмотренном конституционном положении, при изучении проблемы соотношения международных норм и норм национального законодательства формально может использовать принцип «*lex specialis derogat generali*». В этом случае нормы международного права позволяют изменить положения внутреннего законодательства, которые противоречат международному договору и соглашению. Однако российские ученые советуют не «обобщаться» возможностью буквального понимания ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, так как «ни одно суверенное государство, какие бы общечеловеческие ценности оно ни разделяло, не может себе позволить без риска утраты самостоятельности добровольно и безоговорочно поставить свое национальное право в полную зависимость от международного, пусть даже договорного, права» [3, с. 15].

Часть авторов даже утверждает, что положения статьи 15 Конституции наносят удар по системе права России и открывают возможности для влияния на внутренние дела странам извне [4, с. 114]. Другие по формально справедливым критериям определяют, что части одной и той же статьи 15 противоречат друг другу [5, с. 46].

Следует помнить, что в одном из проектов ныне действующей Конституции термин «ратифицированные» предварял термин «международные договоры» [6, с. 23]. Это пояснение не присутствует в действующем тексте. Из этого, однако, не следует, что «теперь всякий договор – от подписанного главой государства и ратифицированного в форме федерального закона крупного политического договора до межведомственного соглашения, вступившего в силу с момента подписания, обладает преимуществом в применении по отношению к национальному закону» [7, с. 106 – 107].

Большинство государств, заявляя о приоритете норм международного права над национальными нормами, предполагает не прямое действие норм международного права в национальной правовой системе, а действие, которое учитывает соотношение между различными актами внутреннего законодательства. Порой складывается ситуация, когда международные договоры, даже нацеленные на использование внутригосударственных правовых норм, не могут использоваться для регулирования некоторых внутригосударственных отношений. Поэтому не следует вообще таким образом форму-

лизовать вопрос, касающийся «безоговорочного» использования международно-правовых норм во внутренней сфере [8, с. 57]. Как отмечает в этой связи Е.С. Смирнова приоритет всегда отдается нормам национального права, так как государство в первую очередь суверенно в актуализации специальных отношений на международном уровне, в предоставлении конкретных прав и свобод человеку и гражданину [9, с. 2 – 8].

Существующая на сегодня формально декларируемая «конституционная открытость» внутригосударственного законодательства по отношению к международному ставит перед государствами вопрос о создании специальной многоуровневой предупреждающей системы. Имеется целый набор относительно легальных средств и методов «уклонения» от приятия на себе нежелательных обязательств, возможно, противоречащих и национальным интересам государства. В случае, если предполагается или допускается нежелательность «навязываемой» международным договором нормы права, государство в состоянии использовать несколько способов «защиты». Можно «не выражать согласия на обязательность» той или иной нормы соответствующего международного соглашения путем не подписания. Есть возможность также оттянуть ратификацию уже подписанного договора, оставляя его на стадии акта политического согласия, а не на стадии реализации конкретных правовых норм. Возможно подписание договора со специальными оговорками, препятствующими и затрудняющими воплощение в жизнь трудноисполнимых обязательств [10, с. 107].

В таких условиях очень важно определить, каким же образом государства подтверждают свою «декларируемую» приверженность идеям приоритета международных норм, появившихся на свет в том числе и в итоге процесса «конституционализации», о котором мы уже упоминали. Как показывает время, внешняя политика государств, как субъектов международного взаимодействия, в большей степени определяется приоритетами во взаимоотношениях международных соглашений и норм национального права, в частности, системой процедур имплементации международно-правовых норм. Таким образом, разница национально-правовых механизмов имплементации и ратификации имеет центральное, а иногда определяющее значение.

В идеале ситуация выглядит следующим образом. В рамках национальной правовой системы создаются нормы, максимально близкие по своему содержанию к нормам международного договора. Такая практика способствует решению проблемы определенной противоречивости международно-правовых норм, которые, изначально очень плохо приспособленные для решения задач национально-правового регулирования, тем не менее представляют собой соответствующую веху прогрессивного подхода к гармонизации и оптимизации внутреннего законодательства. В процессе согласования норм международного и национального права в обоих случаях создаются соответствующие блоки специальных норм, что ведет к сближению национальной и международной правовых систем и обеспечивает реализацию их общих приоритетов, то есть их взаимодействие [11, с. 143 – 150].

Однако, на наш взгляд, такая теоретическая конструкция, основанная на создании двух блоков правовых норм может иметь практический эффект только тогда, когда создаваемый внутри государственного права, блок будет основан на основополагающих конституционно-правовых ценностях и приоритетах, закрепленных в Конституции Российской Федерации и определяющих внутреннюю и внешнюю государственную политику.

Актуальное значение имеет еще является вопрос о возникающих коллизиях между национальным и международным правом. Например, Российской Федерации в процессе подготовки к вступлению в ВТО пришлось не только пересмотреть отдельные положения налогового и таможенного законодательства, но и принять новые нормативно-правовые акты. Такая практика является обычным путем восполнения пробелов в праве. Но юридические коллизии, так или иначе, постоянно возникают в процессе обозначенного взаимодействия. На наш взгляд, происходит это в пяти случаях.

- 1) неточное и неверное толкование существующих международно-правовых актов;
- 2) не приведение внутригосударственного законодательства в соответствие с международными нормативно-правовыми актами;
- 3) принятие тех или иных национальных нормативно-правовых актов, которые не соответствуют нормам международного права;

4) нарушения общепризнанных норм международного права государствами и международными организациями;

5) несоблюдение различных актов межгосударственных структур.

Существующая практика межгосударственных отношений выработала три основных средства преодоления соответствующих коллизий. Это общие принципы права, международные нормы, защищенные конституционным суверенитетом, и национальные правовые нормы.

Важное место в механизме конституционного обеспечения взятых на себя международных обязательств принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации. Показательной ситуацией, когда Конституционный Суд Российской Федерации обращается к актам международного права, является рассмотрение дела о конституционности не вступившего в силу международного договора. Признается, что проверять соответствие международного договора Конституции можно только до его вступления в силу, что выступает специальной гарантией от возможного вмешательства органов власти в процессы соблюдения норм международного права. Однако и здесь есть ряд вопросов, например, касается ли формулировка «не вступивший в силу» одной из сторон и можно ли рассматривать конституционность договора, который Россия еще не подписала. Что касается практики, которая могла бы устранить эту и другую неопределенности формулировок, то она практически отсутствует. Единственное решение по делу о конституционности российско-украинского Договора «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве» 1997 года было вынесено уже после обмена ратификационными грамотами и констатировало отказ от рассмотрения запроса по существу. Проблема не вступившего в силу международного договора Российской Федерации подробно проанализирована в работе Т.М. Пряхиной, которая по итогам рассмотрения данной проблемы приходит к выводу, что не вступивший в силу международный договор является важным элементом правовой системы России, налагая специальные международные конституционно-правовые обязательства [12, с. 2 – 10].

В остальном Конституционный Суд очень часто обращается к «нормам и принципам международного права». При этом он ссылается на акты как имеющие международно-правовое значение, так и лишен-

ные его. С помощью международного договора Суд может разъяснять содержание текста Конституции России, а свое решение по обращению граждан он может обосновывать исходя как из общих принципов права, так и практики международных судебных органов. Как отмечает один из непосредственных участников конституционного судопроизводства Н.С. Бондарь, чаще всего Конституционный Суд обращается к практике Европейского суда по правам человека в рамках конституционного истолкования норм конституционного законодательства в целях подкрепления своей позиции и уяснения, в частности: нормативного содержания того или иного правового института. Что же касается решений Конституционного Суда, связанных с толкованием конституции, то лишь в одном подобном постановлении Конституционный Суд обратился к нормам Конвенции о защите прав человека и основных свобод, хотя, по мнению автора, такая ситуация могла бы стать и более традиционной [13, с. 146 – 152].

Формально существуют и другие области, которых может коснуться компетенция Конституционного Суда в связи с обозначенной нами проблемой. международно-правовые акты теоретически могут фигурировать в передаваемых в Конституционный Суд спорах о компетенции, возникающих на федеральном уровне или на уровне субъектов Федерации или между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов.

В целом же соответствующую практику Конституционного Суда Российской Федерации многие исследователи признают «неровной и неоднозначной». Конституционный Суд регулярно упоминает международные договоры и ссылается на общепризнанные нормы и принципы международного права, не всегда указывая, какие именно. При этом анализ соответствующей нормы международного права и нормы Конституции методологически существенно отличается. Речь идет о том, что анализируя нормы международного права, Конституционный суд так и не выработал для себя какую-либо определенную иерархию источников, упоминая зачастую даже договоры и организации, в которых Россия не участвовала и не состояла.

Как показала практика, Конституционный Суд не «применяет» международное право в прямом смысле этого слова. Специальным и «священным» документом для Конституционного Суда была и

остается Конституция РФ, что следует и из соответствующей присяги судьи Конституционного Суда. Нормы международного права остаются для Конституционного Суда лишь одним из доводов при принятии соответствующего решения. Вместе с тем из практики Конституционного Суда видно, что он считает международное право важным критерием, которому должны соответствовать законодательство и практика судов [7, с. 109].

Подтверждением тому служит, так называемое, дело Маркина [14]. По итогам рассмотрения дела Конституционный Суд РФ провозгласил, что Постановления Европейского суда по правам человека хоть и являются основанием для пересмотра гражданского дела по новым обстоятельствам, в процессе производства по такому делу суд может прийти к выводу о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ в рамках действующего российского законодательства, что приводит к необходимости проверки конституционности нормы, затронутой постановлением ЕСПЧ. Подобный вопрос может быть разрешен исключительно Конституционным Судом Российской Федерации, и самостоятельное его решение судами общей юрисдикции приводило бы к возможности различной оценки конституционности одних и тех же положений закона. Если по результатам рассмотрения специального запроса Конституционный Суд постановит, что норма, препятствующая исполнению постановления ЕСПЧ, не противоречит Основному Закону страны, то он может указать на возможные способы реализации решения международной инстанции.

Таким образом, «мучивший» исследователей долгое время вопрос, о том, являются ли решения (прецеденты) Европейского суда по правам человека частью правовой системы Российской Федерации и являются ли они решениями, обладающими приоритетной юридической силой остается до сих пор открытым. Представляется, что Конституционный суд, сделав упор на, собственно, казуистику, отложил окончательное решение данного вопроса до «лучших времен».

При этом следует помнить, что Конституционный Суд РФ нередко, обосновывая свои решения, апеллирует к практике Европейского суда по правам человека в целях определения надлежащего порядка разрешения коллизий конституционных ценностей [13, с. 146 – 149]. Однако и в этой практике есть определённые противоречия. Особое значение

для исследуемой проблемы имеет анализ ситуации, сложившейся вокруг вынесенного Европейским Судом по правам человека постановления по делу «Алексеев против Российской Федерации». 21 октября 2010 года Страсбургский суд принял решение о том, что, запретив публичные акции гей-парадов в Москве в 2006 – 2008 годах, российские власти нарушили три статьи Конвенции о защите прав человека и основных свобод – право на свободу собраний, право не подвергаться дискриминации, а также право на эффективную судебную защиту. 11 апреля 2011 года после отклонения апелляции Постановление вступило в силу. Судом не были приняты возражения властей Российской Федерации о широкой свободе усмотрения в данном деле и обращено внимание на то, что любое решение, ограничивающее реализацию свободы собраний, должно быть основано на адекватной оценке соответствующих фактов. Суд признал, что запрет мероприятий не соответствовал насущной социальной потребности и, следовательно, не был необходимым в демократическом обществе.

С тех пор исполнение решения по делу «Алексеев против России» находится на «особом» контроле в Комитете министров Совета Европы. Несмотря на тот факт, что российское правительство в своем представлении утверждает, что исполнило вынесенный вердикт, выплатив компенсацию, однако об исполнении правовых позиций Суда не сказано ни слова. И если официальные власти традиционно «отмалчиваются» по данному поводу, то соответствующая «проофициальная» позиция общественных организаций не раз была ими озвучена [15]. Эта позиция сводится к тому, что Суд безосновательно рассматривал существующие «европейские тренды» и свою собственную практику в качестве обязывающего «европейского консенсуса», умаляя тем самым суверенные права государственных участников Конвенции, а некоторые его решения имеют ярко выраженный идеологический характер. Все это создает опасность принятия Судом необоснованных решений и решений *ultra vires* (за пределами полномочий), представляя серьезную угрозу для авторитета, эффективности и стабильности европейской системы прав человека.

На наш взгляд, важно понимать следующее. Европейский Суд отметил в своем решении, что российское законодательство должно предусматривать такой механизм судебного обжалования

запретов публичных мероприятий, который бы позволял организаторам получать окончательное решение судебных инстанций до даты их проведения, как, к примеру, в случае решений судов во время избирательного процесса. Однако за прошедший период российские власти не создали никаких правовых или административных предпосылок для изменения существующего положения. Так, суды по-прежнему рассматривают жалобы на отказ в согласовании публичных мероприятий постфактум, когда их решения уже не влияют на возможность проведения самой акции.

Следует подчеркнуть, что данная проблема сегодня выходит за рамки только проблемы «обеспечения прав сексуальных меньшинств». Вступившее в силу решение Европейского Суда касается и другого гораздо более важного, на наш взгляд, аспекта, который имеет значение для реализации права на свободу собраний каждого человека, а именно – вопроса о сроках судебного обжалования отказов российских властей в согласовании публичных мероприятий.

В связи с затронутой проблемой хотелось бы отметить следующее. За последние сто лет цивилизация пережила несколько глобальных военных катаклизмов, и именно это в первую очередь стало причиной установления «общемировой системы безопасности», основанной на международно-правовой базовой системе гарантий в области общепризнанных правовых норм и обычаев, а также механизмов обеспечения свободы личности, ее прав, свобод и законных интересов. Основная отличительная черта и основная проблема данной системы международных гарантий как раз и состоит в ее «базовости». Ее основополагающие принципы в большинстве государств, за исключением части государств мусульманского мира, не вызывают и не могут вызывать каких-либо конфликтов с национальными системами права. Однако непосредственно в частности, в конкретных подходах к реализации базовых и не вызывающих вопросов прав и свобод человека и гражданина, политика различных государств может существенно различаться. Особенно это касается ситуаций разрешения вопросов о допустимых обстоятельствах для ограничения тех или иных прав и свобод. Не случайно в отечественной науке получила развитие дискуссия о формальном содержании прав, наборе конкрет-

ных правомочий, об ограничениях прав и их имманентных пределах.

Таким образом, в ряде случаев Европейский Суд по правам человека занимается толкованием конкретных прав и свобод, заключенных в тех или иных международных договорах и соглашениях, вырабатывая правовые пределы допустимости тех или иных ограничений или же ссылаясь на свои предыдущие решения. Основной вопрос, который встает на повестке дня после очередного решения суда не в пользу России, это вопрос о том, должна ли последовать «редакция» законодательства, можно ли использовать решения Европейского Суда в национальной судебной системе и последуют ли материальные выплаты в качестве компенсации. На сегодняшний день в России положительно решается вопрос о материальных компенсациях. Что же касается других составляющих решений Европейского суда, то на них специализированные органы в большинстве случаев предпочитают не реагировать.

На наш взгляд, сейчас в России нормы международного права, в том числе специализированные договоры и соглашения, как и решения международных судебных органов власти, не являются и не могут являться составной частью правовой системы России по основаниям, на которые мы уже обратили внимание. В этой связи формулировку ч. 4 ст. 15 Конституции РФ следует считать не совсем корректной, в отличие, например от формулировки, предложенной ч. 1 ст. 17 Конституции (признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права).

Представляется, что существующее в многочисленных работах указание на сложную многоступенчатую природу отношений между национальным и международным правом совершенно не отменяет этой «некорректности». С другой стороны, в современной России даже положения о прямом действии Конституции России вызывают определенные вопросы [16]. В таких условиях рассуждения о «мифическом» прямом действии норм международного права, на наш взгляд, совершенно не состоятельны. Реальность такова, что Конституционный Суд России в своих решениях практически признал верховенство внутригосударственного права над международным. Но при этом он продолжает ссылаться на международные договоры

и соглашения, а также без какой-либо конкретики на общепризнанные правовые нормы и обычаи при толковании Конституции и проверке внутригосударственных нормативных актов на соответствие Конституции Российской Федерации.

Литература

1. Статут Международного суда ООН. Ст. 38.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1996.
3. Марченко М.Н. Международный договор как источник современного российского права // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2004. №3.
4. Научный макет новой Конституции России. М., 2001.
5. Миронов А. Конституция Российской Федерации 1993 г. Смысло-логический анализ. СПб., 2005.
6. Проект Конституции Российской Федерации (сборник материалов). М., 1992.
7. Тузмухамедов Б.Р. Международное право в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Дипломатический вестник. 2000. № 10.
8. Черниченко С.В. Теория международного права // Международное право в конституционной юрисдикции: Хрестоматия / Сост. Б.Р. Тузмухамедов. М., 2006.
9. Смирнова Е.С. Конституционная глобалистика: миф или реальность? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 4.
10. Толстик В.А. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции (Обзор материалов круглого стола) // Государство и право. 2004. №11.
11. Хижняк В.С. Тенденции и перспективы развития механизма взаимодействия внутригосударственного права России и международного права // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2004. № 7.
12. Пряхина Т.М. Конституционно-правовой статус не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6.
13. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М., 2013.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. №27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда».
15. См. <http://www.familypolicy.ru/read/1579>.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации».

УДК 342.4

Хачанян С.В.

МЕХАНИЗМЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Статья посвящена проблеме становления и развития механизмов конституционной ответственности как средства предотвращения конституционных коллизий. Автор анализирует существующие механизмы конституционной ответственности законотворческих и исполнительных органов власти за ведение несогласованной с конституционными нормами правотворческой политики, выявляются текущие проблемы системы конституционного контроля и конституционных санкций.

The Article is devoted to the problem of formation and development of the mechanisms of the constitutional responsibility as the prevention of constitutional conflicts. The author analyses the existing mechanisms of the constitutional responsibility of legislative and Executive authorities for the conduct inconsistent with the